



УДК: 81.23:130.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-394-402

СОВОКУПНОСТЬ СРЕДСТВ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ

М.Н. Федулова

Военный университет МО
ул. Б. Садовая, 14, Москва, Россия, 111033
mfedulova@mail.ru

В статье рассматриваются условия и процесс рождения концептов, средств их вербального воплощения. Автор имеет цель доказать, что концепт — это не форма мысли, это некое ассоциативное ментальное образование, активизируемое в формах мыслительной деятельности. Появление и движение мысли возможны при условии обличения ее в определенную словесную форму — в форму вербального воплощения. Различные формы вербализации мысли (умозаключение, суждение, понятие) обязательной своей частью имеют концептуальную часть (концепт), формирование которой начинается с познавательной деятельности, которая имеет этап категоризации и концептуализации и заканчивается вербальным воплощением. При наличии определенных дискурсивных условий этот процесс всегда встречный, то есть от познавательной деятельности мы идем к вербальному воплощению и от вербального воплощения — к познавательной деятельности. Автор полагает, что масштаб и форма вербального воплощения концепта в этом процессе могут быть различными: от слова к тексту и, наоборот, слово может стать синонимом текста.

Ключевые слова: концепт, смысл, концептуализация, категоризация, вербализация концепта, легализация, легитимность

ВСТУПЛЕНИЕ

Современная когнитивная наука рассматривает концепты как базовые ментальные образования, служащие критериями познания, объяснения и оценки явлений мира [6—10, и др.]. Имея статус социокультурного регулятора в аспекте своих коммуникативных проявлений, концепт требует вербализации в речи и в языке, становясь определяющим фактором категоризации языковых значений, условием существования языковой картины мира, определяет уровень восприятия мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи готовых вербальных форм, но и мыслит определенными моделями, познает посредством операций с концептами мир, в котором он живет, стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата картину мира.

При всей своей культурной, коммуникативной и познавательной значимости концепт не может рассматриваться как некая готовая единица операционального уровня — аналогично единицам предметной семантики фактических речевых обозначений. Смысл (концепт) как таковой не имеет собственной формы, но находит таковую в предметном обозначении. Смысл (концепт) становится реальностью в предметном обозначении, существует и осуществляется в материальной оболочке языка. Через язык смысл становится действительным, доступным для восприятия. «На „духе“ с самого начала лежит проклятие — быть „отягощенным“ материей...» [5. С. 448, 29].

Материальность мысли следует понимать не только буквально — как некую внешнюю выразительную данность. Непосредственно материальность мысли реализуется через ее предметность — через фактическое представление объекта в знаке. Предметное обозначение (или совокупность таковых) становится формой реализации концепта в речи и формой его вербального закрепления в языке.

Мысль облекается в материальную, словесную форму не только тогда, когда мы говорим или пишем, но и когда мы думаем. Форма мысли — понятие, суждение, умозаключение. Понятие — это одна из форм мысли. Само понятие имеет концептуальную часть и формальную часть — объем (границы мысли). Концепт же — это не форма мысли, это некое ассоциативное ментальное образование, активизируемое в формах речемыслительной деятельности.

Передавая и воспринимая информацию, человек осмысливает ее на основе значимых концептов. Формируемая при помощи языковых средств картина мира получает смысловую значимость. В свою очередь концептуальная сторона относительно картины мира получает семантическое развитие, внутреннюю дифференциацию.

Вербализация концептов осуществляется разными путями в различных типах дискурсов: в одних, например, бытовом дискурсе, существуют по преимуществу точные соотношения между лексическим и концептуальным полями (слово — концепт); в других дискурсах, бытийном художественном нарративе, бытийном публичном, институциональном научном, эти отношения гораздо более сложные, так как для них характерна изосемия — один концепт может выражаться на лексическом уровне несколькими единицами, а также может быть эксплицирован и собственно грамматическими (синтаксическими) средствами, при этом одновременно одна лексическая единица может одновременно иметь отношение к нескольким различным концептам.

Процессы вербализации и соответствий между языковыми и речевыми единицами и концептами непрерывны: постоянно формируются новые отношения и соотношения, что можно проиллюстрировать примером известного французского ученого Э. Бенвениста, который на примере двух омонимов убедительно показывает, каким образом происходит формирование, развитие и трансформация новых концептов и новых отношений между смысловыми, языковыми и речевыми единицами. Во французском языке есть два глагола *voler* — *voler* «летать» и *voler* «красть». «Сосуществование этих двух глаголов не должно, однако, вызывать у лингвиста желания совместить их в маловероятном единстве» [1. С. 333]. Глагол в значении «летать» входит в обширное семантическое поле (ряд) — *voleter* «порхать», *s'envoler* «улетать», *volatile* «летучий», *volaille* «домашняя птица» и т.д., в то время как глагол в значении «красть» дает лишь одно производное — *voleur* «вор». Уже одно это ограничение заставляет предположить, что *voler* «красть» восходит к какому-то специальному употреблению первого глагола — «летать». Условием такого употребления явился бы такой контекст, где первый глагол, «летать», мог бы быть употреблен в переходной конструкции. Такой контекст действительно обнаруживается в языке — и одновременно в ритуале — соколиной охоты: *le faucon vole la perdrix* букв. «сокол летит куропатку», т.е. «сокол {летит

и ловит} куропатку». Таким образом, именно этот контекст, текст, ритуал, концептуализированная область, где понятия «лететь» и «хватать, похищать» совмещаются, а соответствующая лексема, *voler*, распадается на две — *voler* ‘лететь’ и *voler* ‘похищать, красть’. Пример Э. Бенвениста показателен для развития языка на протяжении определенного исторического периода.

Концептуальные конфигурации в институциональных дискурсах развиваются и укрепляются постоянно, но несколько иным путем. Рассмотрим следующий пример:

1) Для более четкого уяснения природы государственной власти большое значение имеет правильное понимание ее легализации и легитимации. Еще М. Вебер заложил основы понимания государства как органа легализованного и легитимного насилия. В современной юриспруденции проводится определенное различие между этими терминами. **Легализация государственной власти** — это **юридическое провозглашение правомерности ее возникновения (установления)**, организации и деятельности. В обычных условиях легализация государственной власти осуществляется, прежде всего, конституциями, особенно если они принимаются на референдуме, как Конституция России 1993 г., легализовавшая ту государственную власть, которая сложилась после отстранения от власти коммунистической партии, фактического роспуска двухсоставного парламента (Съезда народных депутатов и Верховного Совета). Легализация может осуществляться также путем принятия конституции избранным народом учредительным собранием (например, в Италии в 1947 г.) или парламентом. Считается, что путем принятия конституции народ осуществляет учредительную власть — устанавливает основы общественного и государственного строя. Поэтому в последние десятилетия часто применяется двойное принятие конституции. Текст, обсужденный или принятый в парламенте, учредительным собранием, выносится затем на референдум (Греция в 1975 г., Польша в 1997 г. и др.). Такой способ обеспечивает наиболее полную конституционную легализацию (а при референдуме — и легитимацию) государственной власти. Конституции закрепляют основы общественного и государственного строя, порядок создания и систему органов государства, методы осуществления государственной власти, делая их легальными, законными. **Легализация государственной власти, ее органов, их полномочий, порядка деятельности** осуществляется также иными правовыми актами: законами, указами президента, постановлениями правительства, решениями судов [2. С. 43—44].

В представленном тексте его авторы не только вербализуют сложные концепты профессиональной области «юриспруденция»: легализация и легитимация. Это происходит следующим образом: сначала представляется лексема, представляющая данный концепт, затем приводится дефиниция, то есть словосочетание — **юридическое провозглашение правомерности ее возникновения (установления)**. Таким образом, происходит вербализация концепта на синтаксическом уровне. Затем происходит определение концептуальной области через указание на действующие связи внутри поля: поскольку речь идет об определенной идеальной области гуманитарного знания, то сначала приводятся концепты, связанные с определяемым метонимическими отношениями: **конституция, референдум, учредительное собрание, власть, государственная власть**; затем необходимо рассмотреть противо-

поставленные и смежные понятия. Подобный способ вербализации осуществляется одновременно с описанием концепта и предполагает использование привлечение концептуального поля. Научный концепт образует определенное целостное смысловое образование, которое объективируется на основании установления отношений в системе, номинации в системе языка, оперирования в профессиональном дискурсе. Средствами такой объективации могут выступать как слово, так и фразеологизм, словосочетание, структурная схема предложения и даже текст, если в нем раскрывается сущность какого-либо концепта. Синтаксические концепты являются довольно сложными для презентации и изучения, хотя некоторые из них, связанные с представлением модальных значений и выражений, получают не только широкое распространение, но и высокую значимость в различных типах дискурсов.

Лингвокогнитивная интерпретация механизмов взаимодействия концепта и вербальных единиц осложняется смысловой неоднозначностью соответствующих терминов. Нередко термин «концепт» отождествляется с термином «понятие». При таком понимании концепт — это мыслительный образ, представляющий обобщенные наглядные образы, логические понятия, многослойные информационные образования. Если же рассматривать концепт как первичную оперативную семантическую единицу («семантический эмбрион»), то следует признать его определенной средой, образующей все познавательные структуры.

Для того чтобы понять характер взаимодействия сознания и языка, концепта и вербальной единицы, следует признать, что их взаимодействие происходит в границах информационно-культурного пространства, соответствующего семантического поля.

Рассмотрим еще один пример:

2) Понятие «легитимация» (т.е. узаконение) обществом действий власти означает, что социум признает и подтверждает право государственного аппарата действовать от его имени, поскольку целью власти действительно является реализация основополагающих для общества ценностей [Там же. С. 44].

Американский политолог Д. Истон подразделяет легитимность на следующие три типа: **идеологическую** (в ее основе лежит моральная убежденность людей в ценности того или иного политического режима); **структурную** (приверженность людей механизму и нормам политического режима); **персональную** (вера конкретного человека в личные качества политических лидеров, их способность правильно использовать вверенную им политическую власть) [Там же. С. 45].

В отечественном государствоведении данную проблему подробно освещает В.Е. Чиркин. Он считает, что легитимация государственной власти — это **процессы и явления, посредством которых она приобретает свойство легитимности, выражающее правильность, оправданность, справедливость, правовую и моральную законность и другие стороны соответствия данной власти, ее деятельности определенным, прежде всего психическим, установкам, ожиданиям общества, народа, людей. Легитимная государственная власть — это власть, соответствующая представлениям общества данной страны о должной государственной власти. Такие представления связаны, прежде всего, не с юридическими нормами, а с материальными, социальными, политическими, духовными условиями общественной жизни, с индивидуальной и общественной психикой людей, их коллективов** [Там же. С. 46].

В основе **легитимации** лежит **вера** людей в то, что их блага (материальные и духовные) зависят от сохранения и поддержания данного порядка в обществе, убеждение в том, что существующий **порядок** выражает их **интересы**, а такой порядок в обществе обеспечивается деятельностью государственной власти. Легитимация прямо связана с интересами людей, которые чаще всего оцениваются ими осознанно, но иногда имеют неосознанный характер... То, что является **легитимным** для одних слоев населения, **нелегитимно** и **противозаконно** для других. Поэтому легитимность государственной власти оценивается обычно с точки зрения ее соответствия интересам большинства населения, его представлениям о власти. Следствием легитимности государственной власти является ее **авторитет** у населения, **признание права управлять** и **согласие подчиняться**. Легитимность повышает эффективность государственной власти, опирающейся на большинство населения [Там же. С. 45—46].

Во фрагменте 2 вербализация концепта осуществляется множеством способов, но ведущим здесь следует признать синтаксический: **узаконение обществом действий власти; социум признает и подтверждает право государственного аппарата действовать от его имени; процессы, выражающее правильность, оправданность, справедливость, правовую и моральную законность; признание права управлять и согласие подчиняться**. Можно предположить, что большое количество синтаксических вербализаций концепта указывает на отсутствие вербализации с помощью слова, а также на необходимость и неизбежность появления в языке слова (словосочетания), репрезентирующего основные смыслы, заключенные в данном концепте.

Формированию новых слов предшествуют процессы формирования концептов, а они есть производные процессов категоризации и концептуализации, которые, в свою очередь, являются ключевыми понятиями познавательной деятельности человека, связанными едва ли не со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате, а также с совершаемыми в процессах мышления операциями — сравнением, отождествлением, установлением сходства и подобия и т.п.

Из приведенных примеров видно, что важным звеном в формировании категорий является оформление смежных концептов: **власть, государственная власть, интересы**. Затем начинаются процессы дифференциации внутри смыслового единства для уточнения объема, ядра и периферии концептуального поля: **идеологическая, структурная и персональная легитимность**; уточняются синонимичные и противопоставленные смыслы между единицами поля: **легитимно = законно** \leftrightarrow **незаконно, нелегитимно**.

Таким образом, в дискурсе актуализируется целая когнитивно-смысловая сеть, объединяющаяся в определенную категорию. Под категоризацией чаще всего понимают подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, то есть категорию, а также признание данного объекта членом этой категории. В рамках дискурса, культурно-выразительного опыта языка обычные слова концептуализируются, а концепты находят форму вербальной реализации. Необходимо отметить, что это всегда встречный процесс, одно без другого быть

не может, то есть происходит опредмечивание смысла и осмысление предметного содержания. Концепт должен вербализоваться, то есть связать себя с каким-то предметным обозначением любой сложности, при чем сложность обозначения не имеет принципиального значения.

Рассмотрим, как осуществляется вербализация сходных концептов в англоязычных текстах:

3) *The concept of legitimacy is important in analyzing the relationships between companies and their environment. Parsons (1960, p. 175) defines legitimacy as “the appraisal of action in terms of shared or common values in the context of the involvement of the action in the social society”. Maurer (1971, p. 361) points out that legitimation is the process whereby an organization justifies to a peer or superordinate system its right to exist; that is to continue, import, transform, and export energy material or information. Legitimacy theory is derived from the concept of organizational legitimacy, which has been defined as “a condition or status, which exists when an entity’s value system is congruent with the value system of the large social system of which the entity is a part. When a disparity, actual or potential, exists between the two value systems, there is a threat to the entity’s legitimacy”. Preston, et al. (1995) point out that legitimacy is conceived as congruence between institutional actions and social values, and legitimization as actions that institutions take either to signal value congruency or to change social value. Legitimacy is achieved by demonstrating that companies’ activities are concordant with social values. Bansal and Roth (2000) present examples of legitimation as complying with legislation, establishing an environmental committee or the position of environmental manager to oversee a firm’s ecological impact, developing networks or committees with local community representation, conducting environmental audits, establishing an emergency response system, and aligning the firm with environmental advocates. Legitimacy theory concentrates on the concept of a social contract, implying that a company’s survival is dependent on the extent to which the company operates within the bounds and norms of society [3. P. 22].*

The concept of a social contract is explained by Shocker and Sethi (1974, p. 67). The authors point out that: “any social institution and business, without exception, operates in society via a social contract, expressed or implied, whereby its survival and growth are based on: the delivery of some socially desirable ends to society in general and, the distribution of economic, social, or political benefits to groups from which it derives its power”. Mathews (1993, p. 26) states that: “the social contract would exist between corporations and individual members of society [4. C. 42—43].

В данном конкретном случае вербализация концепта осуществляется по преимуществу синтаксическим способом. Авторы пытаются представить множество дефиниций, которые с разных сторон представляют сущность научного понятия и единицы идеальной концептосферы: *relationships between companies and their environment, the appraisal of action in terms of shared or common values, an organisation justifies to a peer or superordinate system its right to exist, disparity exists between the two value systems, congruence between institutional actions and social values*. Интересным является факт того, что от многократного представления концепта путем вербальных интерпретаций авторы переходят к анализу и объяснению тех из них, с помощью которых они пытались представить основной концепт дискурса: от *legitimacy* к *social contract*. Таким образом, отправляясь от исходной точки,

авторы переходят к опорным понятиям, рассматривают их, пытаясь выявить то, что они считают главным. Так, из сравнения текстов 2) и 3) становится понятным, что, казалось бы, общий универсальный концепт юридического поля рассматривается в двух языковых сообществах по-разному: в русском профессиональном сообществе на первый план выдвигается признание управляемого большинства справедливости власти; в англоязычном сообществе обе стороны, управляющая и управляемая, являются активными, так как в основе понятия лежит консенсус по проблеме, договор.

В текстах 1), 2), 3) мы наблюдали, как вербализуется концепт в научном дискурсе профессиональной тематики. Следует согласиться, что доминирующей формой представления здесь является многократное описание концепта с использованием различного рода дефиниций, то есть синтаксический способ представления. Но не следует забывать, какую огромную роль в дефиниции играет ее логическая структура, предполагающая употребление в качестве опорного слова гипонима, то есть родового понятия, смежных понятий. Таким образом, указывается место концепта в концептосфере, специфика его отношений к другим концептам, а также многочисленные связи с другими единицами сети.

Однако правовой дискурс в большинстве случаев представлен не научными, а профессиональными текстами: различного рода законами, постановлениями, решениями, — одним словом, документами. В них довольно ярко реализуются результаты категоризации некоторых понятий, которые всегда отражены в языке, но не всегда вербализованы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, наиболее распространенный способ вербализации концепта — это его реализация в слове. Одни концепты вербализуются в целом номинативном поле — семантической группе слов, это такие квазиконцепты, как «необходимость», «вероятность», «долженствование» и подобные. Другие концепты имеют весьма ограниченный номинативный ресурс, они отражают обычно малореlevantные для широкого круга людей концепты, обычно узкоспециальные, конкретные мыслительные сущности, например, такие, как *закон*, *легитимность*, *подсудность* и под. В связи с этим возникает следующий вопрос: все ли слова соответствуют определенному концепту. Разумеется, что отношения между словом и концептом далеко не однозначны, одно и то же слово может быть связано с различными концептами, а один концепт может иметь несколько вербальных реализаций.

К языковым средствам, которые могут входить в номинативное поле того или иного концепта и обеспечить его описание в процессе лингвокогнитивного исследования можно отнести следующие.

1. Слово, репрезентирующее концепт, или основная номинация концепта, целой концептосферы.

2. Вторичные номинации концепта. Сюда можно отнести различные множества слов: семантические производные, словообразовательные производные.

3. Слова, близкие по значению: синонимы, антонимы, гипонимы, гиперонимы, то есть слова, входящие в ту же концептосферу.
4. Устойчивые сочетания слов: фразеологизмы, перифразы, паремии.
5. Метафорические номинации, сравнения.
6. Дефиниции, словарные толкования, тексты различного рода.
7. Категориальные значения, реализуемые в синтаксических и грамматических категориях высказывания.

© Федулова М.Н.

Дата поступления: 10.01.2017

Дата принятия к печати: 25.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: Едиториал УРСС, 2002.
2. Шагиева П.В. Теория юриспруденции. Калуга, 2007.
3. Brown N., Deegan C. (1998). The public disclosure of environmental performance information — a dual test of media agenda setting theory and legitimacy theory. *Accounting and Business Research*, 1, 21—41.
4. Mousa G.A., Hassan N.T. Legitimacy theory and environmental practices // *International Journal of Business and Statistical Analysis*. 2015. 2. No. 1. P. 41—53.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955.
6. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. Москва: Наука, 1990. С. 358—387.
7. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2001. № 6. С. 132—149.
8. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы международной конференции. Часть 1. Тамбов. 1999. С. 6—13.
9. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Москва, 1988.
10. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Монография. Екатеринбург, 2003.

УДК: 81.23:130.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-394-402

COMBINATION OF VERBAL REPRESENTATIVE MEANS OF CONCEPTS

M.N. Fedulova

Military University

14, Bolshaya-Sadovaya str., Moscow, Russia, 111033

mfedulova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the terms and process of concept emergence, the means of their verbal realization (expression). The author proves that concept is not a form of an idea, the concept is an associative mental entity, activated in the forms of the thinking activity. There is a certain conceptual part in different forms of verbalization idea (conclusion, judgement, idea). The emergence of a conceptual

part starts with the cognitive activity, which consists of categorization stage, conceptualization stage and verbal realization as the final stage. In the presence of some discursive terms this process is always reciprocal, i.e. the final stage of our cognitive activity is our verbal realization of the concept and the final stage of our verbal realization of the concept is our cognitive activity. The author states that the scale and the form of the verbal realization of the concept can vary from a word to the text and vice versa.

Key words: concept, idea, conceptualization, verbalization of the concept, legalization, legitimization

REFERENCES

1. Benvenist, E. (2002). *General linguistics*, 2nd ed. Moscow: Editorial URSS. (in Russ).
2. Shagiyeva, R.V. (2007). *Theory of law. Study book*. Kaluga. (in Russ).
3. Brown, N., & Deegan C. (1998). The public disclosure of environmental performance information — a dual test of media agenda setting theory and legitimacy theory. *Accounting and Business Research*, 1, 21—41.
4. Mousa, G.A. & Hassan, N.T. (2015). Legitimacy theory and environmental practices. *International Journal of Business and Statistical Analysis*, 2(1), 41—53.
5. Marks, K. & Engels, F. (1955). *Works*. Vol. 3. Moscow: State publishing house of political literature. (In Russ).
6. Mackormak, E. (1990). Cognitive theory of metaphor. In: *Theory of metaphor*. Moscow: Nauka. p. 358—387. (In Russ).
7. Kobozeva, I.M. (2001). Semantic issues of analyses of political metaphor. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 6, 132—149. (in Russ).
8. Kubryakova, E.S. (1999). Linguistic comprehension and linguistic world view. In: *Philology and Culture. Materials of the international conference*. Part 1. Tambov. p. 6—13. (in Russ).
9. Teliya, V.N. (1988). Metaphorization and its role in the linguistic picture of the world. In: *Human factor in language: Language mechanisms of expressiveness*. Moscow. (in Russ).
10. Chudinov, A.P. (2003). *Metaphorical mosaic in a modern political communication*. Monograph. Ekaterinburg. (in Russ).